

Лекция 6. Немецкий неолиберализм (III)

14 февраля 1979 г. Немецкий неолиберализм (III). — Польза исторических исследований для настоящего. —

Чем неолиберализм отличается от классического либерализма? — Его специфическая цель: как регулировать принципами рыночной экономики общее осуществление политической власти и вытекающие из этого трансформации. — Расхождение рыночной экономики и политики *laissez-faire*. — Коллоквиум Уолтера Липпмана (26–30 августа 1938 г.). — Проблема стиля правительственной деятельности. Три примера:

(а) вопрос о монополиях; (б) вопрос о «соответствующих действиях». Основания экономической политики согласно В. Эйкену. Регулирующие и распорядительные действия; (с) социальная политика. Ордолиберальная критика экономики благосостояния. — Общество как точка приложения правительственных вмешательств. «Политика общества» (*Gesellschaftspolitik*). — Главный аспект этой политики: формализация общества по модели предприятия. — Общество предприятия и правовое общество — две грани одного явления

Сегодня я хотел бы продолжить то, что я начал говорить вам о немецком неолиберализме. Когда заходит речь о неолиберализме, немецком или каком-то другом, в конце концов, о современном неолиберализме, даются в основном три типа характеристик.

Во-первых, что такое неолиберализм с экономической точки зрения? Не более, чем реактивация старых, уже использовавшихся экономических теорий.

Во-вторых, что такое неолиберализм с социологической точки зрения? Не что иное, как то, посредством чего в обществе утверждаются сугубо рыночные отношения.

И наконец, в-третьих, с политической точки зрения, неолиберализм есть не что иное, как прикрытие общего и административного вмешательства государства, вмешательства тем более тяжкого в силу своей коварности и маскировки под внешностью неолиберализма.

Эти три типа характеристик, как видите, всегда и неизменно представляют неолиберализм не более чем, или во всяком случае не чем иным, как самое худшее. То есть это дурно воспринятый Адам Смит; во-вторых, это рыночное общество, то же самое, что раскрывалось, изобличалось в книге I «Капитала»; в-третьих, это генерализация государственной власти, то есть Солженицын¹ в планетарном масштабе.

Адам Смит, Маркс, Солженицын, *laissez-faire*, общество рынка и спектакля, концентрационный универсум ГУЛАГа: таковы три основные аналитические и критические матрицы, с которыми обычно подходят к проблеме неолиберализма, что позволяет не делать практически ничего, раз за разом вот уже двести лет, сто лет, десять лет воспроизводя один и тот же тип критики. Итак, я хотел бы вам показать, что на самом деле неолиберализм есть нечто совершенно иное. Не знаю, важно это или нет, но, конечно, что-то в этом есть. Я хочу попытаться уловить это что-то в его своеобразии. Ведь если сказать, что могут быть определенные важные или, можно сказать, исключительные политические следствия у исторических исследований, представляющихся именно историческими и стремящихся обнаружить типы практик, формы институций и т. п., которые могли иметь хождение в определенное время и в определенном месте, которые должны в конце концов показать, каков в данный конкретный момент [механизм][67] тюрьмы и позволить увидеть, какой результат производится этим типом чисто исторического исследования в нашей ситуации, — это вовсе не значит говорить имплицитно, а тем более эксплицитно, что то, что было тогда, — это то, что есть сейчас. Проблема заключается в том, чтобы позволить знанию о прошлом играть с опытом и практикой настоящего. Это не значит сводить настоящее к форме, которая была известна в прошлом, но которая полагается значимой для настоящего. Этого переноса политических следствий исторического исследования в форме простого повторения, конечно же, надо избегать любой ценой, поэтому я и подчеркиваю проблему неолиберализма, чтобы попытаться освободить его от критик, исходящих просто-напросто из переноса исторических матриц. Неолиберализм — это не Адам Смит; неолиберализм — это не рыночное общество; неолиберализм — это не ГУЛАГ в скрытом измерении капитализма.

Так что же такое этот неолиберализм? В прошлый раз я попытался обозначить, каким был его теоретический и политический принцип. Я попытался показать вам, что для

неолиберализма проблема состояла не в том, чтобы выяснить (как для либерализма Адама Смита, либерализма XVIII в.), как внутри уже данного политического общества можно выкроить, обустроить свободное пространство, которое было бы пространством рынка. Проблема неолиберализма, напротив, состоит в том, чтобы выяснить, как можно обустроить общее осуществление политической власти принципами рыночной экономики. Таким образом, речь идет не о том, чтобы расчистить пространство, но о том, чтобы соотнести, состыковать, соположить с искусством управлять формальные принципы рыночной экономики. Такова, как мне кажется, цель, и я хотел показать вам, что для того, чтобы это сделать, то есть выяснить, до какой степени и в какой мере формальные принципы рыночной экономики могут упорядочивать общее искусство управлять, неолибералы должны были подвергнуть классический либерализм определенным трансформациям.

Первой из тех трансформаций, которые я попытался показать вам в прошлый раз, было расхождение между рыночной экономикой, экономическим принципом рынка, и политическим принципом *laissez-faire*. Этот разрыв между рыночной экономикой и политикой *laissez-faire*, как мне кажется, был достигнут, определен — во всяком случае, был установлен в качестве принципа — начиная с того момента, когда неолибералы предложили теорию чистой конкуренции, представляя конкуренцию вовсе не как изначальную и природную данность, которая залегала бы, так сказать, в самом принципе, в основании этого общества, и которой было бы достаточно позволить подняться на поверхность и заново обнаружить себя; не будучи таковой, конкуренция оказалась структурой, обладающей формальными свойствами, [и] именно эти формальные свойства конкурентной структуры могли обеспечивать и обеспечивали экономическую регуляцию посредством ценовых механизмов. Следовательно, если конкуренция была одновременно жесткой в своем внутреннем строении и неустойчивой в своем историческом и реальном существовании формальной структурой, проблема либеральной политики заключалась в том, чтобы обустроить конкретное и реальное пространство, в котором могла играть свою роль формальная структура конкуренции. Рыночная экономика без *laissez-faire*, то есть деятельная политика без дирижизма. Таким образом, неолиберализм помещается не под знаком *laissez-faire*, но, напротив, под знаком бдительности, деятельности, постоянного вмешательства.

Это отчетливо проявляется в большинстве текстов неолибералов[68], но я вас отсылаю к одному из них (если вы сможете его отыскать, потому что отыскать его не так-то просто. Он хитро запрятан в Национальной библиотеке, но вы наверняка найдете его в Общественном музее²). Этот текст — сборник выступлений, составленный в 1939 г., накануне войны, в ходе коллоквиума, известного как «Коллоквиум Уолтера Липпмана».³ Этот коллоквиум был организован во Франции⁴ после публикации книги Липпмана, только что переведенной на французский язык под названием «[Свободный][69] город».⁵ Любопытная книга, потому что, с одной стороны, в форме чистой и простой реактивации она повторяет темы классического либерализма, но с некоторых других сторон, — представляет элементы, присущие неолиберализму. Эта книга только что появилась в Соединенных Штатах, была переведена на французский язык и удостоилась коллоквиума в Париже, на котором фигурировали сам Уолтер Липпман, старые либералы классической традиции, такие французы, как, например,⁶ Воден,⁷ а также некоторые немецкие и австрийские неолибералы, те самые, что были частью Фрайбургской школы и оказались изгнаны из Германии, и те, кто в Германии

хранили молчание, а теперь нашли случай высказаться. На этом коллоквиуме были Рёпке,⁸ Рюстов, Хайек, фон Мизес.⁹ Кроме того, люди менее значительные: Жак Рюэфф,¹⁰ Маржолен,¹¹ игравший, впрочем, значительную роль в послевоенной французской экономике, а генеральным секретарем конгресса, который не выступал или, во всяком случае, не появляется в отчетах, был Реймон Арон.¹² В ходе коллоквиума в июле 1939 г.¹³ (я отмечаю это потому, что есть люди, особенно интересующиеся структурами означającego) решили сформировать постоянный комитет, получивший название «Международный исследовательский комитет по реновации неолиберализма», CIERL.¹⁴ В ходе этого коллоквиума определились присущие неолиберализму специфические положения (все это вы найдете в сборнике, наполненном другими тезисами и темами классического либерализма). И когда один из выступавших, не помню, кто именно,¹⁵ предложил название «неолиберализм», пытались сформулировать очень показательное выражение «позитивный либерализм». Таким образом, позитивный либерализм — это интервенционистский либерализм. Это либерализм, о котором Рёпке в «Gesellschaftskrisis», опубликованном вскоре после коллоквиума Липпмана, говорит: «Свобода рынка требует активной и крайне бдительной политики».¹⁶ И во всех текстах неолибералов обнаруживается тот же самый тезис о том, что правление либерального режима — это правление активное, интервенционистское, причем в таких формулировках, которые ни классический либерализм XIX в., ни современный американский анархо-капитализм не могли бы принять. Эйкен, к примеру, говорит: «Государство ответственно за результаты экономической деятельности».¹⁷ Франц Бём утверждает: «Государство должно влиять на экономическое развитие».¹⁸ Микш говорит: «В этой либеральной политике», — эта фраза очень важна, — «в этой либеральной политике число экономических вмешательств может оказаться столь же велико, как и в плановой политике, но природа их различна».¹⁹ Так вот, мне кажется, что вопрос о природе вмешательств представляет собой ключевой момент для понимания специфики неолиберальной политики. Проблема либерализма XVIII — начала XIX вв. состояла в том, чтобы провести раздел между тем, что нужно делать, и тем, что не нужно делать, между областями, в которые можно вмешиваться, и областями, в которые вмешиваться нельзя. Это было разделение agenda/поп agenda.²⁰ На взгляд либералов, это позиция наивная, поскольку для них проблема состоит не в том, чтобы знать, существуют ли вещи, которых нельзя касаться, и другие, которых мы вправе касаться. Проблема состоит в том, чтобы знать, как касаться. Это проблема способа действий, если угодно, проблема стиля руководства.

Чтобы немного уточнить, как неолибералы определяют стиль правительственной деятельности, я приведу три примера. На сей раз я буду схематичен, краток, брутalen. Но вы увидите, что все это вам хорошо знакомо, поскольку все мы в это погружены. Я хотел бы просто схематически обозначить три вещи: во-первых, вопрос о монополии; во-вторых, проблему того, что неолибералы называют согласованным экономическим действием; в-третьих, проблему социальной политики. А затем, исходя из этого, я попытаюсь указать вам на некоторые черты, представляющиеся мне специфическими для неолиберализма и резко противопоставляющие его всему тому, что критикуют, пожалуй, все, кто критикует либеральную политику неолиберализма.

Итак, во-первых, вопрос о монополиях. Еще раз прошу меня извинить за такую банальность, но мне кажется, что нужно его пересмотреть по крайней мере затем, чтобы

реактуализировать несколько проблем. Скажем так, в концепции или в одной из классических концепций экономики монополия рассматривается как наполовину естественное, наполовину необходимое следствие конкуренции при капиталистическом режиме, то есть невозможно представить себе конкуренцию, не замечая в то же время монополистических явлений, которые имеют своим следствием ограничение, ослабление, а в пределе — устранение конкуренции. Таким образом, причину усматривали в историко-экономической логике конкуренции, отменяющей саму себя, а этот тезис, само собой, предполагает, что всякий либерал, желающий обеспечить функционирование свободной конкуренции, должен вмешиваться в экономические механизмы, те самые, которые порождают, вызывают и детерминируют монополистические явления. То есть, если мы хотим спасти конкуренцию от ее собственных последствий, следует порой вмешиваться в экономические механизмы. Таков парадокс монополии при либеральной экономике, ставящей своей задачей конкуренцию и в то же время принимающей ту идею, что монополия на самом деле является частью логики конкуренции. Позиция неолибералов совершенно отлична, а их задача состоит в том, чтобы доказать, что на самом деле монополия, монополистическая тенденция не является частью экономической и исторической логики конкуренции. Рёнке в «Gesellschaftskrisis» говорит, что монополия — это «инородное тело в экономическом процессе», и что она не формируется в нем спонтанно.²¹ Для подкрепления этого тезиса неолибералы приводят несколько аргументов, которые я упоминаю лишь для наглядности.

Во-первых, аргументы исторического типа, признание монополии, так сказать, далеким и прошлым явлением в истории либеральной экономики, архаичным явлением, сущность которого — принцип вмешательства гражданских властей в экономику. В конце концов, если монополия и существует, так это потому, что гражданские власти или те, кто в данный момент осуществляет функции гражданской власти, предоставили корпорациям и цехам привилегии, потому, что государства или правители предоставили индивидам или семьям монополии в обмен на определенные финансовые услуги в форме своего рода побочной или скрытой фискальной системы. Так, например, монополия Фуггера взамен предоставляет Максимилиану I финансовые услуги.²² Короче говоря, в Средние века само развитие фискальной системы как условие роста централизованной власти влекло за собой создание монополий. Монополия — феномен старый, феномен вмешательства.

Кроме того, юридический анализ условий функционирования права, допускающего или благоприятствующего возникновению монополии. Как практики наследования, осуществление общественных прав, а также положение дел с жалованными правами и т. п. могли в силу юридического функционирования, а не по экономическим соображениям, породить феномены монополии? Так вот, неолибералы поставили целую серию проблем, в большей степени исторических и институциональных, чем собственно экономических, открыв путь для целого ряда интереснейших политико-институциональных исследований развития капитализма, и американцы, американские неолибералы извлекут из этого свою выгоду. К примеру, идеи Норта²³ о развитии капитализма вписывались в линию, которая была открыта капиталистами и проблематика которой отчетливо проявилась в некоторых выступлениях на коллоквиуме Липпмана.

Другой аргумент, выявленный политическим анализом связей между существованием национальной экономики, таможенного протекционизма и монополии, призван показать, что монополистический феномен не принадлежит по праву и по логике экономике конкуренции. Фон Мизес, к примеру, проводит целый ряд исследований такого рода.²⁴ Он показывает, что, с одной стороны, монополистическому феномену благоприятствует раздробленность национального рынка, которая, сводя экономические единицы к относительно малым размерам, делает возможным существование в этих рамках феноменов монополии, которых не допускает мировая экономика.²⁵ Он убедительно показывает, что протекционизм, осуществляемый государством, не может быть эффективным, поскольку ведет к возникновению картелей или монополий, способных контролировать производство, продажу за границу, уровень цен и т. п.²⁶ Такова была бисмарковская политика.

В-третьих, в экономическом отношении неолибералы отмечают следующее. Они говорят, что классический анализ прав, показывая, что при капитализме необходимое увеличение основного капитала составляет неоспоримую поддержку тенденции к концентрации, а значит, к монополии. Однако, говорят они, во-первых, эта тенденция к концентрации не ведет к монополии неизбежно и фатально. Безусловно, существует оптимум концентрации, к которому капиталистический режим стремится ради равновесия, но между этим оптимумом концентрации и максимумом, допускаемым монополистической действительностью, существует порог, который невозможно спонтанно преодолеть непосредственной игрой конкуренции и экономических процессов. Необходимо то, что Рюстов называет «хищническим неофеодализмом»,²⁷ тем, кто получает «поддержку государства, законов, судов, общественного мнения», необходим хищнический неофеодализм, чтобы перейти от оптимума концентрации к монополистическому максимуму. И потом, говорит Рёпке, феномен монополии, даже если он существует, сам по себе неустойчив.²⁸ То есть он всегда порождается средне-, если не краткосрочным, экономическим процессом, либо модификациями производительных сил, либо техническими модификациями, либо массовым ростом производительности, либо, наконец, появлением новых рынков. И все из-за того, что эволюция к монополии может быть только переменной, разыгрывающейся какое-то время среди прочих переменных, которые станут преобладать в другие моменты. В своей общей динамике конкурентная экономика включает целую серию переменных, в которой тенденции к концентрации всегда противостоят другие тенденции.

Наконец (и фон Мизес всегда рассуждает именно так²⁹), что, в сущности, важно, что делает монополистическое явление губительным для игры экономики? То, что существует лишь один производитель? Конечно же, нет. То обстоятельство, что есть лишь одно предприятие, имеющее право продажи? Конечно, нет. Монополия может быть губительной в той мере, в какой она воздействует на цены, то есть в той мере, в какой она воздействует на регуляторный механизм экономики. Итак, цена при монополии — это цена, которая может возрасти без снижения продаж и доходов, и легко представить себе (на деле так происходит регулярно), что сами монополии ее не используют, потому что, если они практикуют монопольную цену, они неизменно оказываются перед лицом появления конкурентного феномена, который воспользуется существованием завышенных монопольных цен для противостояния монополии. Следовательно, если монополия хочет сохранить свою монополистическую власть, она должна использовать не монопольную цену, но цену идентичную или во всяком случае близкую к цене конкуренции. То есть она будет

действовать так, как если бы существовала конкуренция. И тогда она не разрушает рынка, не разрушает ценового механизма, а сама монополия утрачивает свою значимость.

Практикуя эту «политику как если бы»³⁰ она была конкурентной, монополия разыгрывает структуру, которая столь же важна и которая выступает определяющим феноменом для конкуренции. И потому не так уж и важно, в сущности, знать, существует ли монополия.

Все дело в том, чтобы ситуировать проблему такой, какой ее хотят поставить неолибералы. Они, так сказать, освободились от проблемы гандикапа монополии. Они могут сказать: как видите, не стоит прямо вмешиваться в экономический процесс, потому что экономический процесс сам по себе, если ему позволить безраздельно играть роль регулятивной структуры, которая есть структура конкуренции, никогда не подведет. Конкуренции присуща формальная строгость процесса. Но что гарантирует, что этот формальный процесс не подведет, так это то, что если позволить ему протекать, то ни конкуренция, ни сам экономический процесс не смогут изменить это течение. Следовательно, на этом уровне необходимо невмешательство. Невмешательство с той оговоркой, конечно же, что необходимо установить институциональные рамки, которые должны помешать людям либо личной власти, либо гражданским властям вмешаться, чтобы создать монополию. Так что в немецком законодательстве обнаруживается небывалое антимонополистические институциональное ограничение, впрочем, не имеющее своей функцией вмешиваться в экономическое пространство, чтобы помешать самой экономике породить монополию. Оно нужно для того, чтобы воспрепятствовать внешним процессам вмешиваться и создавать монополистическое явление.[70]

Второй существенный для неолиберальной программы пункт — это вопрос о допустимых действиях.³¹ Эта теория допустимых действий, планирование допустимых действий преимущественно обнаруживается в тексте, который фактически был одним из основных документов современной немецкой политики. Это посмертно опубликованный текст Эйкена, появившийся в 1951 или [19]52 г., который называется «Grundsätze der Wirtschaftspolitik» («Основания экономической политики»)³² и который является, так сказать, практической стороной текста, озаглавленного «Grundlagen der Nationalökonomie», опубликованного десятью годами ранее и представлявшего чисто теоретический аспект.³³ В этих «Основаниях», в этих «Основополагающих принципах экономической политики» Эйкен говорит, что либеральное правительство постоянно должно быть бдительным и активным, должно вмешиваться в двух формах: во-первых, регулятивными действиями; во-вторых, постановлениями.³⁴

Сперва регулятивные действия. Не следует забывать, что Эйкен — это сын другого Эйкена, который был неокантианцем начала XX в. и который в этом качестве получил Нобелевскую премию.³⁵[71] Эйкен, будучи кантианцем, говорит: как должно вмешиваться правительство? В форме регулятивных действий, то есть оно должно эффективно вмешиваться в экономические процессы, когда по конъюнктурным соображениям это вмешательство необходимо. Он говорит: «Экономический процесс всегда ведет к определенным временным трениям, к модификациям, чреватых чрезвычайными ситуациями, трудностями адаптации и более или менее серьезными последствиями для групп».³⁶ Поэтому, говорит он, следует вмешиваться не в механизмы рыночной экономики, но в условия рынка.³⁷ Вмешиваться в условия рынка — значит, следуя кантианской идее

регуляции во всей ее строгости, установить, допустить и позволить действовать, но так, чтобы им благоприятствовать и, так сказать, довести до предела и до всей полноты их реализации три тенденции, которые служат характеристиками и являются основополагающими для рынка, а именно тенденцию к снижению затрат, во-вторых, тенденцию к сокращению прибыли предприятия, и наконец, преходящую, ограниченную тенденцию к увеличению выгоды либо через решительное и масштабное снижение цен, либо через совершенствование производства.³⁸ Таковы три тенденции, регулирующие рынок, выполняющие регулятивные действия по мере того, как сами эти тенденции регулируют рынок.

Выразимся яснее: во-первых, по необходимости главной целью регулятивного действия оказывается стабильность цен, понимаемая не как неизменность, но как контроль над инфляцией. А следовательно, все прочие цели, кроме стабильности цен, могут появляться лишь во вторую очередь и, так сказать, прилагаясь к ней. Во всяком случае они никогда не могут составлять основную цель. В частности, не могут составлять основную цель поддержания покупательной способности, сохранения полной занятости и даже выравнивания платежного баланса.

Во-вторых, что это значит в инструментальном отношении? Это значит, что изначально используется политика кредита, то есть создание учетной ставки. Если хотят задержать рост внешних цен, используют внешнюю торговлю для снижения кредитного сальдо. Если хотят воздействовать на сбережения или на капиталовложения, действуют через всегда умеренное снижение налогообложения. Но никогда никаких инструментов того рода, что используются при планировании, а именно: фиксация цен или поддержка рыночного сектора, или систематическое создание рабочих мест, или общественное капиталовложение — все эти формы вмешательства следует решительно отвергнуть ради тех чисто рыночных инструментов, о которых я вам говорил. В частности, совершенно ясна неолиберальная политика в отношении безработицы. Нет такой ситуации с безработицей, каким бы ни был ее уровень, чтобы в безработицу вмешивались прямо или косвенно, словно бы всеобщая занятость была политическим идеалом и экономическим принципом, который надо спасать во что бы то ни стало. Что надо спасать и что нужно спасти раньше и прежде всего, так это стабильность цен. Стабильность цен, безусловно, позволит впоследствии и поддержать покупательную способность, и осуществить более высокий уровень занятости, чем при кризисе безработицы, однако всеобщая занятость не является целью, и может статься даже, что временная безработица совершенно необходима для экономики. Как говорит, кажется, Рёнке, что такое безработный? Это не экономический инвалид. Безработный — это не социальная жертва. Что же такое безработный? Это трудящийся в транзите. Это трудящийся в транзите между нерентабельной деятельностью и деятельностью сверхрентабельной.³⁹ Таковы регулятивные действия.

Более интересны, поскольку они подводят нас к нашему объекту, действия предписывающие. Что такое эти предписывающие действия? [Это] действия, функция которых — вмешиваться в условия рынка, но в условия более существенные, более структурированные, более общие, чем те, о которых я вам говорил. Действительно, никогда не нужно забывать принцип, согласно которому рынок — это всеобщий экономический и социальный регулятор, но это не означает, будто это природная данность,

обнаруживающаяся в самом основании общества. Напротив, в пределе он составляет (простите меня за то, что я снова говорю вам об этом), своего рода тонкий механизм, который очень точен, но при условии, что он хорошо функционирует и ничто не нарушает его хода. Следовательно, главной и постоянной заботой государственного вмешательства, помимо тех конъюнктурных моментов, о которых я вам только что говорил, должны быть условия существования рынка, то есть то, что ордолибералы называют «основами».40

Что такое политика основ? Я полагаю, что все станет ясно, если обратиться к тексту Эйкена «Grundsätze», тексту 1952 г., где речь идет о проблеме немецкого сельского хозяйства, что, впрочем, говорит он, касается большинства европейских агрокультур.41 Итак, он говорит, что эти агрокультуры никогда не интегрировались в рыночную экономику нормально, полностью, исчерпывающе. Этого не происходило из-за таможенных барьеров, которые по всей Европе разграничивали, разрывали европейское сельское хозяйство, европейские сельскохозяйственные пространства; таможенные барьеры оказывались необходимыми одновременно из-за различия в технике и, более широко, из-за технического несовершенства каждой из агрокультур. Различия и несовершенства были всецело связаны с перенаселенностью, делавшей бесполезным и, по правде говоря, нежелательным вмешательство, введение технических усовершенствований. Следовательно, что нужно сделать, если мы хотим (текст датируется 1952 г.) заставить европейское сельское хозяйство функционировать в рыночной экономике? Нужно опираться на данности, которые являются не непосредственно экономическими данностями, но данностями, обуславливающими вероятную рыночную экономику. На что, таким образом, следует опираться? Не на цены, не на тот сектор, который обеспечивает поддержку менее рентабельного сектора, — все это дурные вмешательства. На что опираются правильные вмешательства? Конечно, на основы. То есть прежде всего, на население. Сельскохозяйственное население слишком многочисленно — значит, надо уменьшить его посредством вмешательств, которые сделают возможными перемещения населения, миграцию и т. п. Нужно вмешаться также на уровне техник, предоставив людям определенное оборудование, усовершенствовав технику такими элементами, как удобрения и т. п.; вмешиваться в технику, готовя сельскохозяйственных рабочих и давая им образование, которое позволит им модифицировать [сельскохозяйственные] техники. В-третьих, модифицировать юридический режим эксплуатации, в особенности законы о наследовании, об арендной плате и об арендации земель, попытаться привлечь внимание законодательства, структур и общественных институций к сельскому хозяйству и т. п. В-четвертых, по возможности поменять разметку и распределение земель, доступность и эксплуатацию незанятых земель. Наконец, в пределе, попытаться воздействовать на климат.42

Население, техники, воспитание и образование, юридический режим, наличие незанятых земель, климат: все это, как видите, элементы не прямо экономические, не затрагивающие рыночные механизмы, однако, по Эйкену, это условия, позволяющие заставить сельское хозяйство функционировать как рынок, в пределах рынка. Вопрос был не в том, как при данном положении вещей обрести экономическую систему, которая смогла бы принимать в расчет исходные данности европейского сельского хозяйства. Но: как изменить материальные, культурные, технические, юридические основания, составляющие данности Европы, притом что процесс экономико-политической регуляции возможен только

посредством рынка и никак иначе? Как изменить эти данности, как изменить эти основы, чтобы заработала рыночная экономика? Как видите, к [чему] я в конце концов вернулся, так это к тому, что правительственное вмешательство на уровне экономических процессов должно быть сдержанным, тогда как, если речь идет обо всех технических, научных, юридических, демографических, в общем, скажем так, социальных данностях, которые отныне все больше и больше становятся объектом правительственного вмешательства, оно должно быть жестким. Впрочем, заметим мимоходом, что этот текст 1952 г. намечает, хотя бы и очень грубо, то, что станет сельскохозяйственным Общим рынком следующего десятилетия. Это было сказано в 1952 г. План Мансхольта,⁴³ по крайней мере отчасти, разработал Эйкен в 1952 г. Таковы допустимые действия, действия конъюнктурные и действия распорядительные на уровне основ. Это то, что называется организацией рыночного строя, строя конкуренции.⁴⁴ А европейская сельскохозяйственная политика на самом деле есть вот что: как восстановить конкурентный порядок, который станет регулятором экономики?

В-третьих, социальная политика. Думаю, что здесь также придется быть аллюзивным, поскольку как по соображениям времени, так и по соображениям компетенции я не могу вдаваться в подробности; однако нужно затронуть несколько вещей, которые могут показаться вам банальными и скучными, но которые позволяют отметить несколько важных элементов. Какова социальная политика при экономике благосостояния — той, что планировал Лигу⁴⁵ и которую так или иначе впоследствии восприняли и кейнсианские экономисты, и New Deal, и план Бевериджа, и послевоенные европейские планы? Социальная политика — это политика, ставящая своей целью относительное выравнивание доступа каждого к потребляемым благам.

Как мыслится социальная политика при экономике благосостояния? Прежде всего как противовес произвольным экономическим процессам, ведущим, как считается, к эффектам неравенства и в целом к разрушительным воздействиям на общество. Такова, так сказать, контрапунктная природа социальной политики в отношении экономических процессов. Во-вторых, каким неизменно должен мыслиться главный инструмент социальной политики при экономике благосостояния? Обобществление некоторых элементов потребления: появление той формы, которая называется общественным или коллективным потреблением — медицинское потребление, культурное потребление и т. п. Либо, второй инструмент, передача таких доходов, как семейные пособия [...].^[72] Наконец, в-третьих, социальная политика при экономике благосостояния — это политика, допускающая, что, чем больше рост, тем более социальная политика должна быть активной, интенсивной [и] щедрой, так сказать, в вознаграждении и компенсации.

Эти три принципа ордолиберализм очень рано поставил под сомнение. Прежде всего, говорят ордолибералы, социальная политика, если она действительно хочет интегрироваться в экономическую политику и если она не хочет быть разрушительной по отношению к экономической политике, не может служить для нее противовесом и определяться как то, что компенсирует результаты экономических процессов. И в особенности никоим образом не может составлять цели эгализация, относительная эгализация, уравнивание потребительной способности. Она не может составлять цель в системе, где экономическая регуляция, то есть ценовой механизм, достигается вовсе не

феноменами эгаллизации, но игрой дифференциаций, присущей всякому механизму конкуренции и распространяющейся через колебания, которые выполняют свою функцию и дают регулятивные эффекты лишь при условии, что им позволяют играть, играть на различиях. В общем, для регуляции нужно, чтобы одни работали, а другие не работали, или чтобы была высокая заработная плата и низкая; нужно также, чтобы цены поднимались и опускались. Следовательно, социальная политика, имеющая своей первой целью хотя бы относительную эгаллизацию, которая сделала бы своей центральной темой хотя бы относительное уравнивание, такая социальная политика может быть лишь антиэкономической. Социальная политика не может ставить своей целью равенство. Напротив, она должна допускать игру неравенств, и, как говорил... не помню, кто это был, но думаю, что говорил это Рёпке: люди жалуются на неравенство, но что это значит? «Неравенство, — говорит он, — одно на всех».46 Эта формула, пожалуй, может показаться загадочной, но она становится понятна исходя из того, что экономическая игра с предполагаемыми ею эффектами неравенства рассматривается как разновидность всеобщего регулятора общества, с которым, очевидно, всякий должен согласиться и смириться. Таким что никакой эгаллизации, а точнее, никакой передачи доходов от одних к другим. [Еще точнее, передача доходов опасна, поскольку берется из доходов, представляющих собой производственные сбережения и инвестиции].[73] Следовательно, отбирать их значило бы изымать из инвестиций часть прибылей и снова нести расходы. Единственное, что можно было бы сделать, — это изымать часть наиболее высоких доходов, которая в любом случае была бы посвящена потреблению или, скажем так, сверхпотреблению, и эта доля сверхпотребления передается тем, кто, либо по причинам безнадежного отставания, либо в силу случайного распределения, оказался на низком уровне потребления. Но не более того. Социальная передача, как видите, носит весьма ограниченный характер. В общем, речь идет лишь о том, чтобы сохранить не то чтобы покупательную способность, но прожиточный минимум тех, кто, навсегда или временно, не может обеспечивать свое собственное существование.[74] Это маргинальный перенос от максимума к минимуму, а не абсолютное установление как регуляция среднего уровня.

А во-вторых, инструментом этой социальной политики, если это можно назвать социальной политикой, служит не обобществление потребления и доходов. Напротив, таковым может быть лишь приватизация, то есть: от общества не требуют гарантировать индивидов от опасностей, каковы бы ни были эти опасности, вроде болезни или несчастного случая, или от таких коллективных опасностей, как, например, разруха; от общества не требуют гарантировать индивидов от этих опасностей. От общества или, скорее, от экономики, требуют сделать так, чтобы у всякого индивида были достаточно высокие доходы, чтобы он мог или прямо, в индивидуальном порядке, или через коллективные отношения взаимопомощи, застраховаться от существующих опасностей, от опасностей существования или от тех неизбежностей существования, какими являются старость и смерть, опираясь на то, что составляет его собственный частный резерв. То есть социальная политика должна быть такой политикой, которая имеет своим инструментом не передачу доходов от одного к другому, но как можно большее распространение накопления для всех социальных классов, которая имеет своим инструментом индивидуальное и взаимное обеспечение, которая, наконец, имеет своим инструментом частную собственность. Это то, что немцы называют «индивидуальной социальной политикой», в противоположность социалистической социальной политике.47 Речь идет об индивидуализации социальной политики, об

индивидуализации социальной политики вместо ее коллективизации и социализации. В итоге речь идет не о том, чтобы обеспечивать индивидам социальную защиту от опасностей, но о том, чтобы предоставить каждому своего рода экономическое пространство, внутри которого он сможет позаботиться о себе и противостоять опасностям.

А это ведет нас к заключению: для социальной политики лишь одно является истинным и основополагающим — экономический рост. Основной формой социальной политики не должно быть противостояние экономической политике и компенсирование ее; социальная политика не должна быть тем более щедрой, чем больше экономический рост. Лишь экономический рост должен позволить всем индивидам достигнуть такого уровня доходов, который сделает для них возможными социальное страхование, право частной собственности, индивидуальные или семейные накопления, с которыми они смогли бы перенести опасности. Именно это Мюллер-Армак, советник канцлера Эрхарда, назвал в 1952-53 гг. «социальной экономикой рынка»,⁴⁸ под которое определение подпадала немецкая социальная политика. Впрочем, сразу добавлю, что на самом деле в силу целой кучи причин эта заявленная неолибералами радикальная программа социальной политики не была, не могла быть применена в Германии. Немецкая социальная политика была нагружена кучей элементов, одни из которых происходили от бисмарковского государственного социализма, другие — от планов Бевериджа или от планов защищенности, как они функционируют в Европе, так что этот пункт неолибералы, немецкие ордолибералы не смогли вполне реализовать в немецкой политике. Но — я настаиваю на этих двух пунктах — во-первых, исходя из этого и благодаря этому они отказались от той социальной политики, которую намеревался развивать американский анархо-капитализм, а во-вторых, важно отметить, что, несмотря ни на что, по крайней мере в тех странах, которые все больше и больше склонялись к неолиберализму, социальная политика все больше и больше тяготеет к такому пониманию. Идея приватизации механизмов защиты, во всяком случае идея, согласно которой сам индивид и есть совокупность [защищающих его от опасностей] резервов, которыми он располагает либо просто в индивидуальном порядке, либо через взаимопомощь и т. п., эта цель, представляющая нам в трудах неолиберальных политиков, так или иначе есть цель, которая ставится сегодня перед Францией.⁴⁹ Тенденция такова: приватизированная социальная политика.

[Прошу меня извинить за] все эти долгие и банальные истории, но я полагаю, что все это необходимо для того, чтобы показать теперь то, что [формирует] исходный каркас неолиберализма. Первый момент, который надо подчеркнуть, таков: правительственное вмешательство (и неолибералы всегда это говорили) не столь насыщено, не столь часто, не столь активно, не столь продолжительно, как в другой системе. Однако необходимо посмотреть, какова теперь точка приложения всех этих правительственных вмешательств. Правительство не должно вмешиваться в деятельность рынка (это понятно, поскольку речь идет о либеральном режиме). Неолиберализм, неолиберальное правление не должно ослаблять разрушительные воздействия рынка на общество (именно это и отличает неолиберализм, скажем так, политик благосостояния, оттого, что знавали [с двадцатых по шестидесятые годы][75]). Оно не должно становиться, так сказать, контрапунктом или экраном между обществом и его экономическими процессами. Оно должно вмешиваться в само общество на всю его ширину и глубину. В сущности, оно должно воздействовать на общество так, чтобы конкурентные механизмы в каждый момент и в каждой точке

социальной массы могли играть роль регулятора — именно поэтому его вмешательство позволяет ему достичь своей цели, то есть конституирования общего рынка как регулятора общества. Таким образом, оно должно стать не экономическим правительством вроде того, которое задумывали физиократы,⁵⁰ то есть правительством, признающим и соблюдающим лишь экономические законы; это не экономическое управление, но управление обществом. Кстати, на коллоквиуме Липпмана кто-то из выступавших, кто в 1939 г. искал новое определение либерализма, говорил: нельзя ли назвать это «социологическим либерализмом»?⁵¹ В общем, неолибералы стремятся именно к управлению обществом, к политике общества. Кстати, именно Мюллер-Армак дал политике Эрхарда значимый термин «Gesellschaftspolitik».⁵² Это политика общества. Тем не менее слова говорят то, что [говорят][76], и траектория слов как может указывает на процессы. Когда в 1969-70 гг. Шабан предложит экономическую и социальную политику, он будет представлять ее как проект общества, то есть сделает общество задачей и целью правительственной практики.⁵³ И в этот момент мы перейдем от системы, скажем так, кейнсианского типа, которую более или менее влечет за собой еще голлистская политика, к новому искусству управлять, которое будет эффективно осуществлять Жискара.⁵⁴ Это переломный момент: целью правительственной деятельности становится то, что немцы называют «die soziale Umwelt»,⁵⁵ социальная среда.

Итак, что нужно сделать в отношении общества, которое стало теперь объектом правительственного вмешательства, правительственной практики, социологического руководства? Само собой, нужно сделать так, чтобы стал возможен рынок. Действительно, нужно, чтобы он был возможен, если мы хотим, чтобы он играл свою роль общего регулятора, принципа политической рациональности. Но что это значит: сделать регуляцию рынка принципом регуляции общества? Означает ли это установление рыночного общества, то есть общества торговли, потребления, в котором меновая стоимость составляла бы одновременно меру и общий критерий элементов, принцип коммуникации индивидов между собой, принцип циркуляции вещей? Иначе говоря, идет ли в неолиберальном искусстве управления речь о том, чтобы нормализовывать и дисциплинировать общество исходя из рыночных стоимости и формы? Не возвращаемся ли мы в этой модели к массовому обществу, к обществу потребления, обществу торговли, обществу спектакля, обществу симулякров, обществу оборотов, которое впервые описал Зомбарт в 1903 г.?⁵⁶ Я так не думаю. В новом искусстве управлять обыгрывается не рыночное общество. Речь не идет о том, чтобы восстановить его. Регулируемое рынком общество, которое мыслят неолибералы, — это общество, в котором регулятивным принципом выступает не столько товарный обмен, сколько механизмы конкуренции. Именно эти механизмы должны как можно больше распространяться вширь и вглубь, занимая как можно больший объем в обществе. То есть пытаются прийти к обществу, подчиняющемуся не товарообороту, а конкурентной динамике. Не к обществу супермаркета, а к обществу предприятия. Ното *oeconomicus*, которого стремятся возродить, — это не человек обмена, не человек-потребитель; это человек предприятия и производства. Так мы подошли к важному моменту, к которому я постараюсь немного вернуться в следующий раз. Здесь сходится целый ряд вещей.

Во-первых, конечно, анализ предприятия, развивавшийся начиная с XIX в.: исторический, экономический, моральный анализ того, что такое предприятие, целый ряд работ Вебера,⁵⁷ Зомбарта,⁵⁸ Шумпетера⁵⁹ о том, что такое предприятие, большей частью воспринятых

неолиберальным анализом или проектом. А значит, если и имеет место возвращение к неолиберальной политике, это, конечно же, не возврат ни к правительственной практике *laissez-faire*, ни к тому товарному обществу, которое Маркс разоблачал в начале I тома «Капитала». Что пытается вернуться, так это своего рода социальная этика предприятия, исходя из которой Вебер, Зомбарт, Шумпетер пытались выстроить политическую, культурную, экономическую историю. Если хотите конкретнее, в 1950 г. Рёпке написал текст под названием «Направленность немецкой экономической политики», опубликованный с предисловием Аденауэра.⁶⁰ В этом тексте, в этой хартии Рёпке спрашивает о том, какова цель правительственной деятельности, ее последний ориентир, предельная цель. Так вот, он говорит (я перечисляю поставленные им цели): во-первых, позволить каждому, насколько возможно, владеть частной собственностью; во-вторых, сократить урбанистический гигантизм, заменить политикой средних городов политику больших пригородов, заменить политику и экономику усадеб политикой и экономикой крупных ансамблей, поощрять объединения малых хозяйств в компании, развивать то, что он называет не-пролетарской промышленностью, то есть кустарное производство и розничную торговлю; в-третьих, децентрализовать места обитания, производства и управления, корректировать эффекты специализации и разделения труда, органично восстанавливать общество, исходя из естественных, семейных и соседских объединений; наконец, организовывать, планировать и контролировать все воздействия на окружающую среду, которые могут породиться либо общежитием людей, либо развитием предприятий и промышленных центров. В общем, речь у Рёпке в 1950 г. идет о том, чтобы «постепенно переместить центр тяжести правительственной деятельности вниз».⁶¹

Этот текст, как вы знаете, уже повторили 25 000 раз за последние 25 лет. Это и есть то, что составляет сегодня тематику правительственной деятельности, и, конечно же, было бы неверным видеть здесь только прикрытие, оправдание и ширму, за которой происходит что-то другое. Во всяком случае нужно попытаться принять его таким, как он есть, то есть как программу рационализации и экономической рационализации. О чем, в сущности, идет речь? Немного присмотревшись, мы [наверняка] поймем это как своего рода более или менее возвращение руссоистского представления о природе, примерно то, что Рюстов называл, впрочем, весьма двусмысленным словом «Vitalpolitik», политика жизни.⁶² Но что это за Vitalpolitik, о которой говорил Рюстов, и что означает это выражение? На самом деле речь, как видите, идет не о том, чтобы создать социальную сеть, в которой индивид непосредственно контактировал бы с природой, но о создании социальной сети, базовые единицы которой имели бы форму предприятия, ведь что такое частная собственность, как не предприятие? Что такое усадьба, как не предприятие? Что такое управление мелкими соседскими объединениями [...] [77], как не иные формы предприятия? Иначе говоря, речь идет о том, чтобы обобщить, по мере возможности распространяя и умножая их, формы «предприятия», которые не должны сводиться ни к форме крупных предприятий на национальном или международном уровне, ни к форме крупных предприятий государственного типа. Эта демультипликация формы «предприятия» внутри социального тела, как мне кажется, и составляет цель неолиберальной политики. Речь идет о том, чтобы сделать из рынка, из конкуренции, а следовательно из предприятия, то, что можно было бы назвать информантной властью общества.

Таким образом, мы оказываемся на перепутье, где, конечно же, реактивированы некоторые старые темы семейной жизни, совместного владения и целая куча критических тем, которые назойливо выступают против рыночного общества, против унификации через потребление. Так что, если не считать некоторой взаимозависимости (слово, которое в строгом смысле ничего не говорит) между критикой, которая проводилась, скажем так, в зомбаровском стиле, начиная чуть ли не с 1900 г., против рыночного общества, унификации и т. п., и целями современной правительственной политики, перед нами совершенно точное совпадение. Они хотят одного и того же. Просто критики, которые воображают, будто они разоблачают общество, скажем в кавычках, «по-зомбаровски», то есть общество унификации, массы, потребления, спектакля и т. п., заблуждаются, полагая, что критикуют сегодняшнюю цель правительственной политики. Они критикуют нечто иное. Они критикуют то, что действительно составляло горизонт, эксплицитный ли или имплицитный, искусства управлять [с двадцатых по шестидесятые][78] годы. Но мы уже прошли эту стадию. Мы уже не там. Искусство управлять, спроектированное ордолибералами в 1930-е гг. и ставшее теперь программой большинства правительств капиталистических стран, так вот, эта программа вовсе не стремится к созданию такого типа общества. Напротив, речь идет о том, чтобы создать общество, ориентированное не на торговлю и унификацию торговли, но на множественность и дифференциацию предприятий.

Это первое, что я хотел вам сказать. Второе — но мне кажется, что времени у меня уже нет, — второе следствие этого либерального искусства управлять — [это] глубокие изменения в законодательной системе и юридической институции. Ведь между обществом, индексированным формой предприятия [...][79] и обществом, основывающемся на социальных службах как правовых институциях, разница невелика. Чем больше предприятий, тем больше центров формирования того, что станет предприятием, тем больше правительственная активность, допускающая игру этих предприятий; чем больше участков трения между этими предприятиями, тем больше спорных случаев, тем больше потребность в судебном арбитраже. Общество предприятия и правовое общество, общество, индексированное в предприятии, и общество, размеченное множеством правовых институций, — две стороны одного и того же явления.

В следующий раз я хотел бы совсем немного вернуться к этому, чтобы пробежаться по другим следствиям, другим образованиям неолиберального искусства управлять.[80]

Несколько слов неразборчивы: «одновременно (уплотненное?) и (умноженное?)».

Версия #1

Зверобой создал 27 января 2026 06:37:55

Зверобой обновил 27 января 2026 06:43:34